

одновременном драматическом снижении шумов, так что, если включить «железный» шумодав, снимки, сделанные 40D на чувствительности Н (ISO 3200), выглядят заметно глаже, чем сделанные D60 на максимальной ее чувствительности ISO 1000. Если прибавить к этому еще и возможность автоматической установки чувствительности в рамках 100–800, проблем с недостатком света и «шевеленкой» становится очень немного меньше. Это, во-вторых, на порядок, если не больше, выросшая скорость: и готовности к съемке после включения или просыпания, и автофокусировки, и, наконец, большая скорострельность и число снимков в серии, то есть — объем буфера. Правда, когда, склонный к съемкам на высокой чувствительности, я выставляю аппаратный шумовой фильтр, который вслед снимку снимает неэкспонированную матрицу и вычитает ее из результата, — и скорострельность, и длина серии уменьшаются вдвое. Что, впрочем, меня не особо беспокоит. Ну и в-третьих, наконец, — это Live View, способность камеры к визированию не только через оптический видоискатель, но и по ЖК-дисплею.

На Canon я в свое время переходил с Olympus'ов, с тех еще, полужеркальных, E-10 и E-20, у которых Live View (так, правда, не называвшийся) был непременным атрибутом, — и его отсутствие стало, пожалуй, главным и единственным, чего мне не хватало у Canon и по чему я скучал и даже страдал. Правда, кэноновский Live View олимпусовскому все-таки уступает: у последнего ЖК-экранчик вращался на сто градусов, что позволяло, положив камеру, например, на пол, установить экран под таким углом, который не вынуждал тебя ложиться рядом с ней. Впрочем, если очень надо, можно приобрести специальную примочку от фирмы Zivview, модель, например, SC-S2A, и, присобачив ее светоприемник к окуляру видоискателя, вращать экран аж на 350 градусов и даже относить его на проводе аж на 11 метров — куда-нибудь за угол.

Прочие радости 40D: трехдюймовый дисплей, автоповорот снимков, удобное, по закладкам, меню, лишняя кнопка фиксации фокуса (которая в основном предназначена как раз для работы в режиме Live View), «Стили изображений», интересные только тем, кто, в отличие от меня, снимает в JPEG, возможность снимать через компьютер (фича, наверное, превосходная для работы в студии, которой я не занимаюсь и не планирую) и даже, наконец, тройной механизм предохранения матрицы от загрязнения плюс возможность снимать ее «пылевую» картину и автоматически вычитать пыль из снимков — порадовали меня так... теоретически... Тем более что за несколько лет работы матрице D60 так и не удалось толком испачкаться, а предохранительные меры, примененные в 40D, весьма и весьма... паллиативны.

Впрочем, все эти, довольно частные, разговоры понадобились мне исключительно для того, чтобы подвести к вопросу более принципиальному: насколько совершенство съемочной техники влияет на практический результат фотографического творчества. На

примере описанной смены камер могу сказать, что теперь я, скорее всего, не упущу кадр, который раньше упустил бы из-за медлительности включения или фокусировки (некоторые, таким образом упущенные, годами стоят у меня в голове, вызывая немеркнущую досаду), что к возможным для результирующей съемки объектам добавится некое множество малоосвещенных, а количество «шевеленки» заметно упадет, и что, наконец, я снова, как некогда на Olympus'e, смогу делать эффектные кадры с самой земли или — подняв камеру над головой на

«Разным людям более всего расширяют горизонты самые разные расширения»

вытянутых руках. Первое достижение — безусловно. Второго и третьего можно было добиться и на старом аппарате с применением добавок: штатива и SC-S2A — что, конечно, понижало комфорт съемки, но — ничего принципиального. Если вспомнить былое, окажется, что процент таких, требующих дополнительных возможностей, сюжетов окажется до смешного мал и измерится единицами. Правда, в эти единицы процентов вполне может попасть парочка художественных шедевров или уникальных документальных свидетельств.

Другими словами, если принять за истину мое убеждение, что снимок делают исключительно глаз и голова, очередное расширение возможностей аппаратуры расширяет доступное для съемки поле только на чуть. Причем разным людям более всего расширяют горизонты самые разные расширения. Например, сменив камеру, я практически не обратил внимания на увеличение числа пикселей с 6 до 10,1, поскольку предпочитаю кадрировать прямо в момент съемки, а вот мой приятель, главная радость которого — препарирование фрагментов снимков и создание из этих кирпичиков чего-то нового, дожидается новой «соньки» с ее 14-ю мегапикселями. Потребностей профессионалов я тут вообще не касаюсь, поскольку они сами знают, по каким параметрам и для каких задач следует выбирать камеру. Или несколько камер, каждую — для своей задачи.

То есть сделать совершенно роскошный снимок, какую-нибудь солнечную приморскую панораму с вершины холма, можно даже с помощью картонной коробочки с приклеенным к задней ее стенке кусочком пленки и проколотой иглой крохотной дырочке в передней, — другой разговор, что чем аппаратура совершеннее, тем комфортнее с ней работать и тем больше объектов становится ей подвластно. Совершенствование техники — это расширение доступной для нее части мира, причем каждая новая технологическая ступень расширяет этот мир на все меньшую и меньшую долю. Ну, как в воспроизводящей аппаратуре класса Hi-End, когда каждая очередная тысяча долларов цены убавляет все менее и менее заметный процент шумов.

Снимок, помещенный в начале «Записки», как специально (и на самом деле — специально) демонстрирует почти все главные для меня расширившиеся возможности камеры: съемка с пола, в режиме Live View, съемка на чувствительности 3200 практически без шумов и, наконец, съемка широким углом без искажений. Поскольку мой любимый пес на сессии хоть чуток, а спал, четвертой возможностью (возможность мгновенной готовности к съемке, ловле, так сказать, момента, и ее скоростью) тут воспользоваться не удалось.

И напоследок — две истории. Одна — моя собственная, вторая — с чужих слов, возможно, выдуманная. Но даже если и выдуманная — выдуманная очень хорошо.

Года три назад я трижды, каждый раз — недели на три — ездил в Душанбе. Перед первой поездкой я решил на эксперимент: насколько утомившись от таскания огромного, тяжеленного коффра, набитого оптическими насадками и нелегким, отягощенным бустером, Olympus'ом E-20 (которым я тогда снимал, но который, скажу по правде, успел мне чисто по-человечески надоест, хоть работу свою делал и хорошо), я решил взять помещающуюся в рубашечный карман продвинутую «мыльницу» от Casio, EX-P505, с пятикратным зумом. Наснимал я за эти недели около двух тысяч снимков, из которых, дома, после строгого отбора, отправил в альбом шестьдесят штук. Перед следующей поездкой я как раз поменял Olympus на Canon и, вдохновленный новой для меня техникой, взял с собой весь кофр. За те же три недели снял те же две тысячи кадров — не специально считал, так вышло. И из этих двух тысяч при отборе в альбом пошло уже целых триста штук! То есть при той же самой натуре, даже менее для глаза свежей, чем в первой поездке, художественная производительность выросла впятеро — исключительно из-за возможностей техники. И хотя, просматривая альбом, отличить ни по художественным, ни — часто — по техническим признакам первую серию от второй практически невозможно, — изменился «процент выхода». (Кому интересно — может посмотреть сам по адресу ekozi.fotki.com/abroad/asia/dushanbe: первые шесть десятков — от EX-P505, остальные — от D60.)

Вторая история касается Бернарда Шоу. Он любил разную «технику», и когда к нему приехал профессиональный фотограф сделать серию портретов — попросил посмотреть аппаратуру. Взял в руки, разглядывал, прицокивал и, в конце концов, сказал: «Мне бы такую технику — как бы я снимал!» Фотограф подошел к столу писателя, взял лежащую на нем ручку, осмотрел и произнес: «А мне бы такое перо — я писал бы пьесы не хуже, чем сам Бернард Шоу!»

Евгений КОЗЛОВСКИЙ